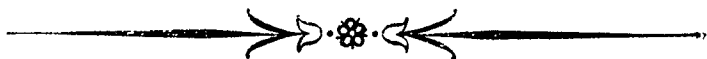

Н. П. БРУСИЛОВ

НЕЧТО О КРИТИКЕ

Критика многих устрашает — хотя и правда, что она мало научает нас писать и что гораздо сильнее действуют образцы и примеры, хотя правда и то, что хорошая книга есть самая лучшая критика на дурные книги¹; однако ж критика нужна для успехов словесности — ибо она более всего очищает и усовершенствует вкус. Но должно признаться, чтобы решить участь книги и славу сочинителя, надобно быть Квинтилианом или Лагарпом.

Критики, помещаемые у нас в журналах, иногда наполнены одними насмешками — есть однако ж из них и такие, которые дают сочинителю истинные уроки словесности. В число сих включить можно некоторые критики «Московского журнала» и некоторые, помещенные в «Северном вестнике», как то: рассмотрение поэмы «Петр Великий» и рассмотрение рецензий «Московского Меркурия»; мы не знаем, кто писал их; но признательно сказать должно, что они из лучших на нашем языке и писаны так, как должна быть писана критика, имеющая благонамеренную цель². Она должна быть недвусмысленна, ясна и благопристойна. Колкости и насмешки приличны в комедиях, где шутят на общий счет; но критика относится на одно лицо, иногда известное публике,

следовательно, колкости в критике столь же неизвинительны и так же не могут быть терпимы, как и личные комедии. Квинтилиан, Лонгин³, Лагарп, Вольтер критиковали справедливо; но без всякой обиды сочинителю, цель их критики была отдавать должную цену хорошим писателям и исправлять дурных, дать сим последним уроки, но не оскорбить, не ожесточить их — они говорили как учителя, и мы счастливы были бы, если бы наши критики старались им подражать.

Хотя Вольтер и вольнее других в своей критике, хотя и позволяет себе иногда колкие шутки, но они извинительны, ибо относятся не на лицо сочинителя, а на его сочинение. Сам Вольтер говорит, что «сатирики ограничиваются одними только шутками, острым словом, колкостью; но что тот, кто хочет научиться или научить других, должен все разбирать и исследовать с величайшею осмотрительностью»⁴.

Первое достоинство критики есть *беспристрастие*, без оногo и самый талант послужит только к большому заблуждению.

Огорчить человека легко — сказать, что книга никуда не годится и того легче; но сего ли требуется от рецензента?

Прочсть книгу не один раз, понять цель сочинителя, разобрать оную со всевозможным беспристрастием, показать не одни недостатки, но и совершенства оной, ибо редкая книга может быть дурна и бесполезна во всех отношениях, делать приговор не решительный, но справедливый, употреблять выражения не колкие, но приличные, не смеяться ни на счет сочинителя, ни на счет его книги; но говорить истину, повторим еще раз, что прочсть книгу всю, а не *раскрывать* только ее неудачу — и помнить, что лучше одну рассмотреть со вниманием, нежели о ста книгах сказать мнение слегка. — Вот правила благоразумной критики, которым может быть не все следуют. Иногда злоречие почитается за остроумную критику. «*Tout faiseur de journal doit tribut au malin*»*, сказал Лафонтен⁵. Вольтер заметил, что лучше платить дань *справедливости* и *здравому рассудку*⁶. В сих словах Вольтера заключаются главнейшие правила критики.

* «Всякий газетчик платит дань лукавому [дьяволу]» (фр.).—
Ред.

О ПНИНЕ И ЕГО СОЧИНЕНИЯХ

Неумолимая смерть махнула страшною косою — и в мире не стало одного доброго человека!.. Поэт любезный, друг искренний, защитник угнетенных, утешитель несчастных, Пнин, скончался прошедшего сентября 17 числа, между 10 и 11 часов пополудни. Друзья и любители изящного провожали со слезами гроб поэта-философа...

Ежели смерть есть неизбежный удел людей, то мы должны роптать на нее только за то, что она вырвала из объятий жизни человека доброго, который, будучи одарен от природы всеми блестящими качествами, украшающими человека, впоследствии мог бы взойти на ту ступень, на которой человек имеет все способы украшать путь жизни своей благодеяниями. В цветущих летах, едва достигши тридцатилетнего возраста, уважаем всеми, осыпанный благодеяниями монарха — покровителя наук, заслужив талантами своими уважение публики и добрым сердцем любовь друзей — Пнин имел в виду блестящую перспективу и в маститой старости вкусил бы плод своих трудов; но смерть, с завистью взиравшая на столь славную жертву, единым взмахом ужасного жезла пресекла нечаянно жизнь и все лестные надежды его и все ожидания, которые мы вправе могли иметь от его дарований. Публика лишилась в нем хорошего писателя, друзья потеряли в нем человека, которого любили искренно.

Иван Петрович Пнин обучался первоначально в благородном пансионе Московского университета, а потом в кадетском корпусе. В последнюю Шведскую войну был он офицером артиллерии и служил во флотилии. В 1801 году вступил в канцелярию Государственного Совета, а в 1802 году, при учреждении министерств, поступил экспедитором в департамент министра народного просвещения. Два месяца тому назад был он здоров и весел; но вдруг злая чахотка, следствие сильной простуды, лишила его совершенно сил. Слабость здоровья принудила его взять отставку — чин коллежского советника и пенсия были наградою его службы.

Сочинения Пнина останутся незабвенными в летописях нашей словесности. Давно уже сказано, что хорошие писатели еще в ребячестве оказывают тот быстрый полет гения, который впоследствии возводит их на верх славы — Пнин в младенчестве еще сочинял стихи, которые могли бы сделать честь и в совершенном возрасте чело-

веку. Творения его исполнены того духа поэзии и того чувства добродетели и истины, которые составляют совершенство образованного человека. Хотя он умер молод, но труды его в словесности были многочисленны: в 1798 году издавал он «Санкт-Петербургский журнал», который был занимателен для публики по прекрасным стихотворениям, излившимся из его пера. С качеством хорошего поэта соединял он и качество хорошего прозаиста и собственным примером доказал, что хороший поэт может быть и хорошим писателем в прозе и что для человека, одаренного талантами, все роды писаний свойственны. Он написал «Вопль невинности, отвергаемой законом», «Опыт о просвещении» и трудился над сочинением «О возбуждении патриотизма»¹. С будущего года хотел он издавать журнал под названием «Народный вестник», который, если судить по программе и талантам издателя, конечно, был бы лучшим произведением нашей словесности и далеко бы оставил за собою все журналы, доселе у нас бывшие. В последние минуты жизни своей трудился он над сочинением драмы «Велизарий» — написал уже первое действие, но нечаянная смерть не позволила ему оной кончить.

Пнин был рожден поэтом истины. Лира его не гремела похвал лести — он хвалил иногда; но самая похвала его имела на себе печать истины. Осыпая похвалами, он умел давать уроки строгой добродетели. Просвещенные иностранцы, хотя в слабом переводе, умели чувствовать цену и восхищаться красотами его творений. В 1804 году хотел он издать свои сочинения под названием «Моя лира»; но оставил впоследствии свое намерение. Склонясь на просьбы журналистов, отдал он им свои стихи. Публика с удовольствием читала в журналах нынешнего года прекрасные стихи его «Славу» и «Надежду». Любя меня, брал он участие в сем издании: ода «Человек», «Уединение», «Стихи на сон», «К роще» суть произведения его пера². Но славнейший памятник, оставленный им, есть «Ода на правосудие», сочиненная им в нынешнем году. Последним произведением его пера, если не ошибаюсь, был «Гимн», петый при заложении биржи на случай посещения, коим удостоил государь император российское купечество. Вольное общество любителей наук, словесности и художеств, уважая отличные дарования его, 15 июля сего года, избрало его своим президентом. Пнин не успел произвести в действо того, что он хотел пред-

принять для чести общества и, смею сказать, для пользы словесности. Оплакав невозвратную потерю, друзья любезного поэта согласились воздвигнуть на гробе его памятник общим иждивением*. Дабы дать сильнее почувствовать читателям ту потерю, которую мы сделали, да позволено мне будет, в память несчастного поэта, поместить оду его на правосудие⁴, хотя она и была уже напечатана. Сие произведение его пера будет лучшим памятником, который только можно воздвигнуть в честь его.

Пнин умер с спокойствием непорочной совести, он сохранил до последней минуты память и присутствие духа. Он не страшился смерти, ибо она ужасна только злодеям — добрый не ужасается сего последнего жребия и спокойно заносит ногу в вечность! тот, кто в прекрасных стихах сказал:

Что смерть последняя беда!

Мог ли ужасаться ее? Мог ли оставлять с горестью жизнь тот, кто написал сии прекрасные стихи:

Что жизнь?— Ужасной сон, который кончим в гробе.

Что жить?— Быть жертвою страстям, обманам, злобе!⁵

Я оплакиваю в нем не поэта славного, но человека доброго, друга истинного, которого я почитал и любил нелицемерно! Ах! титло доброго есть первейшее и достойнейшее человека!

Всякой, кто знал Пнина, согласится, что при великом уме, быстром понятии, чрезмерной памяти, глубоком познании он имел сердце нежное, чувствительное, открытое для дружбы. С такими преимуществами, не всем данными природою, он пользовался всеобщим уважением и любовью. Нашед приятелей, он не терял их никогда; знал тайну привлекать к себе сердца людей и умел в самом дружеском обращении соединять любовь с уважением.

* 23 сентября в заседании Вольного общества любителей наук, словесности и художеств, где я читал сию статью, члены в тот же вечер собрали подписку на сооружение памятника Ив. Петр. Пнину. Члены-художники вызвались сделать для оного рисунки, а г. Востоков предложил изобразить на камне сии слова: «Друзья Пнину». Сей будет единственный памятник, воздвигнутый целым обществом одному человеку. С каким рвением члены друг пред другом старались почтить память несчастного Пнина!⁶ Г-да Языков, Измайлов, Попугаев, Радищев, Остолопов, Писарев читали сочинения в честь покойного сочлена своего, в которых тщились изобразить несчастную скорбь о потере невозвратной.

Я говорил о Пнине как о писателе, теперь должен показать ту черту его характера и сердца, которая всегда заставит жалеть о потере сего достойного человека. Будучи весьма небогат, он любил помогать несчастным. С жаром друга человечества всякую скорбь угнетенного людьми или судьбою человека брал он близко к сердцу своему и не щадил ни трудов, ни покоя, ни иждивения для облегчения судьбы несчастных. Он чувствовал, что благодеяние тогда только дорого, когда оно, согласуясь с учением христианским, творится втайне и покрывает завесою неизвестности руку, ниспосылающую благодеяние. «Да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя»⁶ — есть первейший долг истинного христианина.

Прости мне, тень поэта! если я слабым пером моим дерзнул изобразить твои добродетели! Не лесть заставляла меня писать сии строки — тебя уже нет в сем печальном мире! Благодарность, дружба предводили пером моим. Ах! счастлив бы я был, если бы возмог чем-либо изъяснить ту благодарность и любовь, которыми пылало к тебе мое сердце; если бы возмог когда заглушить то чувство скорби, которое со смертию твоею врезалось в мое сердце и которое никогда уже из оногo не изгладится...